

диалоги

— ПАВЕЛ Петрович, каюсь: из подготовленных и встрече с вами вопросов никак не выберу начальный. Облегчите, пожалуйста, мою роль — о чем вам самому хотелось бы поведать в первую очередь?

— О Сочи. Там во время недавней концертной поездки по Причерноморью произошла встреча. Представьте: заполняется зал, звучит первый звонок. Вдруг мне говорят: к вам просится какой-то старичок. Старость надо чтить, особенно если самому под семьдесят... Он вошел, и у меня в сердце кольнуло. Первый учитель, Феодосий Васильевич Виноградский! Хотя я родился здесь, в Ленинграде, но вскоре после моего рождения семья переехала под Пермь. Там прошло детство, началось отрочество.

В Сочи эти незабываемые (и невозвратные, увы!) времена ярко встали перед взором в образе милого сердцу моему Феодосия Васильевича. Знаете, ну словно в фантастическом, пока еще фантастическом кинематографе будущего, где зрителю показывают объемные, стереоскопические картины жизни, наполненные дыханием ветерка, подлинными ароматами, звуками... Так и представился мне вместо кулис концертного зала пруд за околлицей Бикбарды, огромный, почти в пять километров. Увиделись укосные луга, колоссающееся ржаное поле... Я к годам восьми или девяти научился косить, жать серпом рожь. Мог и молотить в чистые цепы, не сбиваясь с общего ритма. Лошадь запрыгать умел. Лишь затягивать гужи своих силенок не хватало... Уже и второй звонок, а мы стоим обнявшись с Феодосием Васильевичем. Это он в конце двадцатых годов организовал в Бикбарде первый пионерский отряд. Специально для нас Виноградский, тогда еще юный учитель, сочинил песню. И когда мы наконец выпустили друг дружку из объятий, я, улыбаясь, спросил белым-белого, но, как в молодости, все еще кудрявого Феодосия Васильевича: «Уж не вы ли автор нашумевшей в Бикбарде и окрестностях песни школы крестьянской молодежи (ШКМ): «Мы — ШеКо-Мята дружные, и о нас село в часы досуговые ведет рассказ!» В ответ — улыбка.

— Хотелось бы выделить в нашем с вами разговоре связь артиста с жизнью, источник, «двигатель внутреннего сгорания» его сложного и тонкого артистического «механизма».

— Ого, всеобъемлющий вопрос. Попробуем его расчленил. Связь артиста с жизнью немаловажна без впечатлений, накопившихся на протяжении жизни самого исполнителя. Ну, все о тех детских, бикбардинских впечатлениях... Из них стоит внимания речь. Мой уральский говор, далекий от общепринятых литературных норм, едва не повернул жизненную дорожку прочь от сцены, от кино. Это случилось после Бикбарды.

В 1927 году семья вернулась в Ленинград. Отец тяжело заболел, надо было подумать о хлебе насущном и мне малолетке. Пошел учеником слесаря на «Красный выборжец». Рабочая среда, впечатления эти вошли составной частью в «двигатель», про который вы только что говорили.

Совмещал работу на «Красном выборжеце» с первыми шагами в детской театральной студии. Впервые оказался на сцене. Завершилось. Решил учиться. Пришел на актерское отделение театрального техникума. Говорят: обратись к Борису Вульфовичу Зону. Он вы-

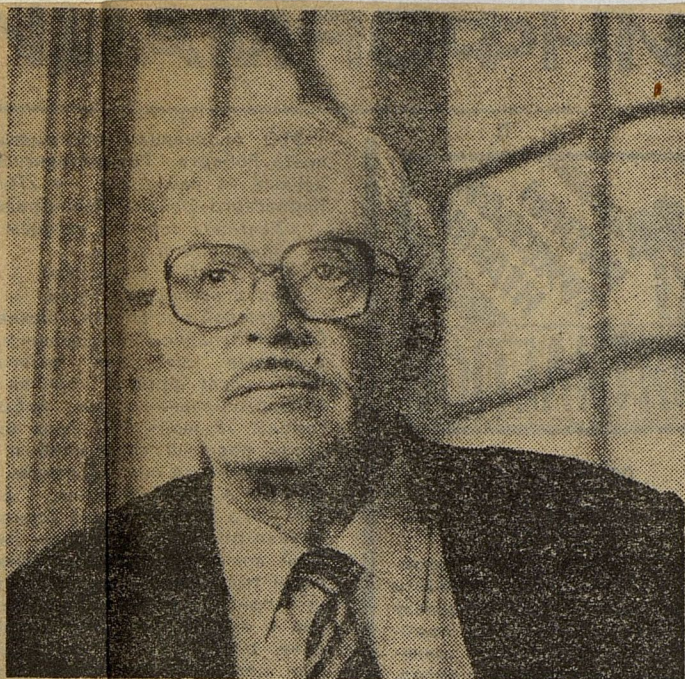
слушал меня. Пятнадцать лет парню. Окает. Читает стихи собственного производства... Тем не менее меня не погнало с глаз долой. Борис Вульфович улыбнулся. Потом посоветовал серьезно заняться речью. Так я стал студентом. Учился нормально говорить, без нажима на «о». Трудная, ох и трудная, скажу вам, была эта работа!

— Имя первого вашего театрального педагога вписано, как вы знаете, достаточно яркой строкой в историю искусства. Вам наверняка лестно, что Борис Вульфович был учителем и

таких актеров, как Николай Черкасов, Борис Бабочкин, Валентина Телегина...

— Стоп, стоп, стоп! Не воздымайте меня столь высоко сопоставлениями. Лучше вернемся к всеохватному вашему вопросу о связи с жизнью. Коль я начал с воспоминаний о молодости, надо бы вспомнить и мое кинематографическое крещение. Это случилось в 1933 году. На студии «Белгоскино» ставился фильм «Совершеннолетие». Я, тогда худой, веснушчатый, с большим светлым чубом хлопец, по мнению постановщиков, подходил на роль молодого комсомольца-подпольщика Михася. Для его речевой характеристики мне не пришлось использовать свой говорок — Михася появлялся в картине в нескольких мгновениях, можно сказать. Зато в большей роли — рабочего паренька Лени Сухова — очень сгодились мое оканье, распевная речь. Это было уже в 1938-м, когда Сергей Иосифович Юткевич пригласил меня на роль Лени в его фильме «Яков Смердлов». По сценарию он приехал в Москву с Урала в простенькой, стираной-перестиранной одежде, в старом отцовском картузе. Как я понимал того паренька! Ведь и мне точно так же довелось въезжать в Ленинград с котомкой, и тоже — с Урала. Здесь и заговорил я, как бывало в Бикбарде. Критика отменяла, что образ у меня получился удачным. Гораздо труднее пришлось в работе над другой ролью в этом же фильме — писателя Максима Горького — дело примера, а мне хотелось проникнуть в глубину, в душу заглянуть писательскую, чтобы «мой» Горький не просто окаял по-волжски да покашливал в кулак... В начале работы отыскал литератора, знавшего Горького при жизни. Попросил рассказать. Но меня, видимо, неверно понял. Литератор приложил картинно руку ко лбу: «Вот так он думал». Затем побарабанил пальцами по столу: «Вот так он подписывал нужное слово...» Гораздо плодотворней была встреча с революционером Ярославским, она дала, считаю, понимание образа. Емельян Михайлович, узнав о моем намерении сыграть роль Горького, предложил: «Попытайтесь сочинить что-нибудь». Я острожно возразил: если, паче чаяния, доведется играть зубного врача, то я, значит, отправлюсь в поликлинику и начну рвать гражданам зубы? Ярославский засмеялся: «Ну нет, не пытайтесь делать этого, если не умеете. А вот зубо-врачебные инструменты надо бы поддержать в руках, побывать много раз на приеме, посидеть и в очереди, послу-

Имя народного артиста СССР лауреата Государственных премий СССР Петра Петровича Кадошниковца появляется в титрах художественных кинолент вот уже без малого полвека. Кругом отмечает его недавние актерские работы в «Идеальном муже», «Пропащем среди живых». Ожидают совсем новую роль Кадошниковца — Поля Лафарга в картине «Ленин в Париже». В недавней рецензии один из наших искусствоведов отметил работу актера последних лет как «свидетельство поразительной творческой молодости и свежести его таланта...».

«КАК НАДО ЯРОСТНО ГОРЕТЬ...»

И все же... попробуйте писать, помучайтесь над словом». Я так и поступил. Мне давно хотелось попробовать свое перо, написать о самом моем любимом городе, о Ленинграде. Отнюдь не хочу сказать этим, что в каждом случае актер должен поступать таким образом. Но с ролью Горького, как писал в свое время «Огонек», у меня кое-что хорошее получилось. Да, вот еще: искали, помню, долго подходящего актера. Дело дошло до дирекции киностудии. Позже, когда уже отснятую кинопробу показали художественному совету, директор обернулся к Юткевичу, сказал с похвалой: «Ну вот, Сергей Иосифович, нашли же другого актера на роль Горького вместо вашего любимчика Кадошниковца». Под смех присутствующих режиссер ответил ему, что Горький — это и есть я.

— Вообще вам на режиссера везло?

— Ну что значит — везло? Это же не лотерея... Согласен: не просто в творческой работе иметь вокруг себя сплошь единомышленников. Покажите мне такого режиссера, который бы мечтал о своих плохих фильмах! Каждый из нас хочет снять, сделать только хорошую работу, только хорошую картину. Значит, мы оба — заодно. Везло или не везло... Может, здесь уместно припомнить знаменитую поговорку, в которой человек, неприглядный лицом, пеняет... на зеркало? Были в моей творческой судьбе «неудачные» (пусть будет определено так...) режиссеры? Были мои собственные неудачи, творческие просчеты. Взабивать эту ношу на чужие плечи? Просто не по-мужски, не по-джентльменски, если хотите...

— Значит, вы всегда на съемочной площадке тише воды, ниже травы? Что режиссер сказал, то и делаете?

— Ну как можно без разных мнений, точек зрения в нашем деле? Ведь вы, как зритель, хотите видеть на экране подлинность, а не представление ряженых! По другую сторону экрана, невидимую зрителю, — там все, как в жизни. Обычной, естественной. Вы на редакционных летучках говорите друг другу, как советует Окуджава в песне, только комплименты? Спорим и мы на съемочной площадке, на худсоветах. Бывает, как и в других профессиональных средах, споры завершаются валидолом или даже вызовом «скорой помощи». Но у меня такого не бывало.

— Крепкое сердце, закаленное в излюбленных ваших зимних купаньях в проруби?

— Во-первых, я в проруби купался, когда не в командировке. Во-вторых, подавляющее большинство режиссеров,

с которыми сводила актерская судьба, уважали мое творческое «сердце», помогали раскрытию образа. Иногда помимо своей воли, так сказать. В «Подвиге разведчика» мы никак не находили приема, позволившего бы советскому разведчику Федотову не говорить три четверти всей картины на немецком языке. Как же сделать из Федотова коммерсанта Генриха Эккерта? Режиссер фильма Борис Васильевич Барнет слегка картавит. Если ему что нравилось, восклицал: «Здо-го-го!» Я подхватил его манеру, Эккерт заговорил у меня грассируя, — понятный намек на иной, на русский язык. Но коль вы затронули тему «актер — режиссер», их отношения, скажу о Никите Михалкове. Ему крайне благодарен — прервал этот режиссер долгое мое душевное затишье, безкартинье. Сознаю: подолгу не снимаясь, подумывал: бросить, что ли, все это? Уйти на эстраду, в театр? Вспоминал Зона, своего театрального педагога. Играл молодых, красивых, а Борис Вульфович приговаривал, не приходя в восторг: «Нет, нет, не пришло твое время, не раскрывайся как актер...» И вот в пору моего творческого затишья, если выразиться точно, вдруг Никита Михалков зовет на роль Трилецкого в «Неоконченной пьесе для механического пианино». Я, откровенно скажу, опешил. Даже стал отговаривать Никиту — на своем: «Этот образ — философия всей картины, я вас помню по «Запасному игроку», вы обязательно сыграете, я вас вижу!» Подумал. Подивился режиссерской смелости и — пошел гримироваться. Оказалось, что и как партнер Никита (по фильму он — мой сын) превосходен. Есть у Пушкина определение: «правдоподобие чувств». Именно это я и ощущал в созвучной работе над образами в «Механическом пианино». Режиссер словно открыл для меня, как бы поточнее выразиться, новые ворота в кинематографическую полнокровную жизнь. Следом пошли приглашения от другого Михалкова — Кончаловского. Андрей Сергеевич увидел во мне будущего Вечного Дека в сериале «Сибиряда». Так, с легкой руки Михалковых, началась новая полоса в моей творческой жизни.

— ...И начались контрасты, позвольте добавить. Кто следил за вашими недавними работами, наверняка удивлялся. Взять Дядю Романа — и буквально вслед идет вагон же сыгранный Романом Ролланом. Та же самая изощренная мысль, писатель-интеллектуал.

— Да, да, картина «Сюда не залетали чайки» мне памятна по мозолям. Пришлось две-

сти километров гнать вместе с профессиональными плотогонами плоты на таежной реке. Учились мы управляться с баграми вместе с моим младшим сыном, Петром. Он, как и старший, Костя, тоже актер. Хорошая школа! Вот уж где правда жизни, если бок о бок работаешь по-настоящему, без дублеров, рядом с крепкими, мужественными перегонщиками плотов... Не успел я «отойти» от Дядюшки Романа, как последовало приглашение Бориса Галантера. Этот режиссер «припомнил» мне писателя Горького: «Вам же знакома специфика работы над писательским образом». И я на время стал писателем Роме-ном Ролланом в двухсерийной ленте «Жизнь Бетховена».

— Вероятно, вам, как, впрочем, и мне, любящему майора Федотова, было приятно вновь встретиться со старой, но не стареющей лентой «Подвиг разведчика». Ее показало Центральное телевидение в дни работы XXVI съезда партии.

— Согласен — приятно, если твоя давняя роль, как и картина, не забывается. На XXVI съезде партии утверждены, как известно, Основные направления. В них непосредственно меня, актера, касаются строки восьмого раздела, где идет речь о социальном развитии нашего общества. Задача каждого деятеля культуры, искусства, указывают Основные направления, состоит в более полном удовлетворении многообразных духовных потребностей советских людей. Они, наши зрители, беспредельно требовательны к «самому массовому из искусств». Любая фальшь, даже крохотная, вызывает скуку в зале. Для актера восьмидесятых годов жизненно необходима правда игры, правда перевоплощения. И, значит, правда жизни, что является признаком теснейшей связи с ней.

— И — о вашей собственной жизни. В начале разговора вы сколько-нибудь замечание о своем возрасте. Стольких лет снимаетесь, и ни разу по сию пору не прибегли к помощи дублера, все — сами. Не трудно?

— Значит, вы осмелились намекать на мои преклонные годы... Позвольте ответить на ваши нехорошие подозрения словами песни из нового фильма «Высокое призвание», где я снялся в роли старого учителя. «Мы спины горбили не даром, — поется в этой песне, — уж так начертано судьбой: что было новым — станет старым, и постареем мы с тобой. И как же надо жить учиться, как надо яростно гореть, чтоб в тормоз дней не превратиться и, постарев, — не постареть...»

Беседу вел
Н. ВИТАЛЬЕВ
Фото П. Маркина